

ЗЕРКАЛО ЗАБВЕНИЯ

Элия Вейл
Зеркало забвения

«Автор»

2025

Вейл Э.

Зеркало забвения / Э. Вейл — «Автор», 2025

Чтобы спасти будущее, им придется вернуться в начало. Что связывает таинственные пробелы в исторических архивах, одержимого ученого и древний артефакт, способный переписать реальность? Молодой ученый Артем и ведунья Мирослава из прошлого — последняя надежда на спасение. Он верит только в факты. Она доверяет только знакам. Их союз невозможен, но только вместе они смогут пройти через врата между мирами. Их ждут леса, где водят хороводы русалки, и степи, где шепчутся духи предков. Их ждет битва не с монстрами, а с собственной болью и памятью. Смогут ли они найти Зеркало Велеса, пока мир не поглотило Забвение?

© Вейл Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Разлом	6
Глава 2. Весь. Добро пожаловать в каменный век	9
Глава 3. Ночь. Разговор у очага	12
Глава 4. Утро. Тихий ужас и тихая красота	14
Глава 5. Ночь на Ивана Купалу. Магия, которую видно	16
Глава 6. Москва. Тайна, проступающая сквозь страницы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Зеркало забвения

Эта книга посвящается всем, чьи сердца бьются громче их разума, кто способен отдать последний кусок хлеба незнакомцу под дождем, кто видит боль другого как свою собственную, и кто помнит, что самая большая магия на свете это доброта, не ждущая награды.

Э. Вейл

Предисловие

Что бы вы отдали, чтобы вернуться в прошлое? Не в ваше детство с его простыми радостями и незабываемыми моментами, а именно в то прошлое, где нет машин и телефонов, где люди не знали, что Земля круглая, и поклонялись не одному богу, а множеству сил, живущих в каждом дереве, в каждом камне, в каждом луче солнца? Где каждый рассвет был чудом, а закат обещанием новой встречи с волшебством?

Этот вопрос, этот тихий зов из глубин души, и привел меня к созданию этой книги. Меня вдохновляла не просто история, а живая, дышащая тайна культура наших предков, которая веками уничтожалась, но так и не смогла полностью исчезнуть из нашей крови и памяти. Она осталась в сказках, передаваемых из уст в уста, в обрядах, которые мы до сих пор совершаем, сами того не осознавая, в тех самых мгновениях, когда, глядя на звездное небо, мы чувствуем что-то древнее и знакомое в наших сердцах.

Я очень люблю горы и леса. Для меня они не просто природа, а живые существа, хранители тайн. Каждый раз, когда я забредаю в глушь, мне кажется, что я переступаю порог сказки, которая оживает под моими ногами. И я задумалась, а что, если эти сказки не просто вымысел? Что, если когда-то, давно, в каком-то месте и в какое-то время, они были реальностью?

Моя книга это путешествие по тонкой грани между двумя мирами: миром наших современных открытий, технологий и знаний и миром давно забытых тайн, магии и веры. Это попытка соединить то, что мы потеряли, с тем, что мы обрели, и понять, что настоящая мудрость лежит где-то посередине.

Я написала эту историю не просто для того, чтобы рассказать захватывающий сюжет. Я написала ее с надеждой, что после прочтения вы по-другому посмотрите на мир вокруг себя. Что вы чаще будете выезжать на природу, не для того чтобы сделать фото для соцсетей, а чтобы почувствовать ее дыхание. Что вы будете читать сказки своим детям по ночам, не торопясь, вкладывая в каждое слово свою душу. Что вы будете рассказывать им истории из своего детства, создавая для них теплые, яркие воспоминания, которые они однажды передадут своим детям.

Мир становится холоднее не от отсутствия солнца, а от отсутствия тепла в сердцах. И если после прочтения этой книги вы сохраните в своем сердце хотя бы маленькую искру тепла, веру в чудо и способность видеть волшебство в обыкновенном, значит, я достигла своей цели.

Добро пожаловать в мир, где границы между прошлым и настоящим стираются, где каждая тропинка в лесу может привести к откровению, а каждый восход солнца к чуду. Добро пожаловать в "Зеркало Забвения".

С любовью к прошлому и надеждой на будущее,

Глава 1. Разлом

Воздух загудел, как высоковольтная линия. Резкий, белый свет, лишенный теней, разорвал полог леса на высоте человеческого роста. Из вспышки вывалилась фигура и тяжело рухнула на ковёр из мха и хвои. Свет исчез так же внезапно, как и появился.

В ушах у Артёма звенело. В носу щипало от запаха хвои, влажной земли и чего-то дикого, незнакомого. Он откашлялся, пытаясь перевести дыхание. Лежал на спине, глядя в небо, где сквозь разросшиеся ветви пробивались первые звёзды. Таких ярких и чистых звезд он не видел никогда в жизни. Городское небо вечно травил смог и световое загрязнение.

– Где я? его голос прозвучал хрипло и непривычно громко в давящей тишине.

Он сел. Голова кружилась. В кармане безмолвствовал телефон. Вместо привычного гула машин оглушительная трель соловья где-то совсем рядом и шелест листьев.

Паника, холодная и тошная, подкатила к горлу. Эксперимент. Роща. Аномальные показатели приборов. Вспышка.

– Невозможно, прошептал он, сжимая виски пальцами. Этого не может быть. Кислородное голодание. Галлюцинации.

Он попытался встать и чуть не вскрикнул от боли, подвернул лодыжку. Совершенно реальная, острая боль. Не похоже на галлюцинацию.

Он осмотрелся. Деревья были гигантскими, нетронутыми пилой. Воздух был настолько чист, что его можно было есть ложкой.

– Кто здесь? раздался голос.

Он резко обернулся. Из-за дуба вышла женщина. Высокая, статная. Платье из простого льна, украшенное сложной вышивкой красно-черными нитями – как уголь и кровь. Рыжие волосы, заплетенные в тяжелую косу, казалось, впитали последний луч солнца и горели сами по себе. Её лицо было серьезным, а голубые глаза смотрели на него не со страхом, а с жгучим, изучающим любопытством. В руке она держала плетеную корзину с травами там были чистотел, полынь, зверобой.

Артём учёный-физик, человек, построивший жизнь на логике, увидел в ней нечто не укладывающееся ни в одну известную ему модель. Этнографический музей? Съёмки фильма?

– Вы из какой группы? Где режиссёр? выдавил он.

Женщина нахмурилась. Её взгляд скользнул по его странной одежде, куртке, джинсам, кроссовкам.

– Ты говоришь странно. И одежда твоя странна. Ты откуда, путник? И что за шум ты принёс с собой в мой лес? Духи встревожены.

Духи. Ага, точно сумасшедшая.

– Слушайте, Артём попытался встать, опираясь на дерево. Мне нужен телефон. Позвонить. Вызвать скорую или полицию. Я, кажется, получил травму головы.

Она сделала шаг ближе. Её движения были плавными, грациозными, как у дикого зверя.

– Те-ле-фон? произнесла она слово, будто заклинание. Не знаю таких слов. Травму я вижу. Нога тебя слушается плохо. И дух твой мечется, как птица в сетях.

Она подошла совсем близко и присела на корточки перед ним. Он почувствовал легкий запах полыни и сушеных яблок.

– Я, Мирослава. А ты чей? Или что ты?

Её вопрос повис в воздухе. Артём понял: никакой съёмочной группы здесь нет. Есть только немислимой красоты лес, боль в ноге и эта женщина с глазами цвета неба, говорящая о духах.

Логика его последний оплот отчаянно цеплялась за рациональное. Массовый гипноз. Дорогая инсценировка. Психоделики в воздухе. Но боль в ноге и звериный голод в желудке были слишком реальны, слишком осязаемы.

– Я, Артём, выдал он, отбросив учёные степени и звания. Здесь они не значили ровным счётом ничего. Я откуда-то, очень далеко.

Мирослава внимательно посмотрела на него, будто читая тайные строки за его глазами. Её взгляд скользнул на поврежденную лодыжку.

– Нога тебе путь продолжать не даст. Ночь близко, а в лесу с неподвижными ногами оставаться смерти искать. Духи леса добры к уважающим их, но с закатом пробуждаются иные, темные сущности.

Она произнесла это с такой простой и суровой уверенностью, что у Артема по коже побежали мурашки. Он хотел было возразить про «сущности», но язык не повиновался.

– Встань, скомандовала она мягко, но так, что послушаться было невозможно. Опирайся на меня. Моя хижина недалеко.

Он, кряхтя, поднялся, пытаясь перенести вес на здоровую ногу. Его рука легла на её плечо. Он ожидал грубой ткани, но платье оказалось на удивление мягким. От неё пахло дымом, травами и чем-то неуловимо живым словно сам лес был частью ее духа.

Они заковыляли по тропинке, такой узкой, что её едва можно было разглядеть. Артем, привыкший к асфальту и навигаторам, спотыкался о корни.

– Смотри под ноги, путник, сказала Мирослава, без усилия поддерживая его. Лес проверяет тебя. Он чует в тебе чужое.

– Он что, живой? не удержался он, и в голосе прозвучала привычная ирония, тут же его самого и смутившая.

Она обернулась, и в её глазах мелькнула улыбка не добрая, а знающая.

– А разве нет? Дерево растёт, пьёт воду, тянется к солнцу. Река бежит, поёт песни камням. Волк хитроумен, медведь мудр. Всё живое. Просто не все слышат их голоса. Твои уши глухи к ним, я чувствую. Ты слушаешь только себя.

Ее слова попали в цель с пугающей точностью. Артём всегда гордился своим рациональным, сфокусированным умом. А здесь всё требовало иного, забытого чувствования.

Вдруг Мирослава остановилась. Она выпрямилась, её взгляд стал острым, настороженным. Медленно повернула голову, вслушиваясь в тишину леса. Даже Артём почувствовал это: птицы внезапно замолкли. Воздух застыл.

– Что-то не так? прошептал он.

– Тише, её голос стал беззвучным шелестом листьев. Не двигайся.

Она отпустила его руку и сделала шаг вперёд, к зарослям папоротника. Пальцы медленно разжали пряжку на поясе, где висел небольшой костяной нож.

Артём, сердце которого колотилось где-то в горле, увидел, как шевельнулись тени под сенью древнего вяза. Они сгустились, потемнели, приняли нечеткую, но однозначно угрожающую форму. Воздух стал холоднее. Его научный ум лихорадочно искал объяснение: болотные газы? массовая галлюцинация? Но страх был древним, животным, идущим из глубин подсознания.

Мирослава не дрогнула. Она не стала доставать нож. Вместо этого подняла руку ладонью вперёд и начала тихо напевать. Это была не песня, а низкий, гортанный напев, полный древней силы. Она говорила с тенью на языке, которого Артем не знал, но смысл был ясен: Это мой лес. Это мой гость. Уходи.

Тень заколебалась. Казалось, сама тьма нехотя отступала, не в силах вынести силу, звучащую в ее голосе. Через мгновение она растаяла, как чернильное пятно в воде. Птицы снова запели.

Мирослава опустила руку и обернулась к Артёму. Её лицо было бледным, но спокойным.

– Пошли. Теперь нам точно нельзя здесь оставаться.

Артём смотрел на неё, не в силах вымолвить ни слова. Он только что видел нечто, что не поддавалось законам термодинамики, квантовой механики и вообще никакой известной ему физике.

Его мир, мир стали и логики дал трещину. И сквозь неё в него впервые заглянуло нечто настоящее, древнее и пугающе прекрасное.

Глава 2. Весь. Добро пожаловать в каменный век

Их путь занял не больше получаса, но для Артема он показался вечностью. Каждый шаг отдавался болью в ноге, а в голове стучала одна мысль: Это не сон. Это не сон.

Наконец деревья расступились, открыв вид на поселение. Весь раскинулась на высоком берегу реки, огороженная частоколом из заостренных бревен. Из-за забора виднелись крыши домов не сказочные избушки, а низкие, крепкие срубы-полуземлянки; их крыши, поросшие мхом и травой, почти сливались с землей. Над поселением висел густой запах дыма, хлебной закваски, влажной земли и жизненной суеты грубый, простой и незнакомый.

У ворот, охраняемых двумя немолодыми, но крепкими мужчинами с копьями, они остановились. Стражи узнали Мирославу и кивнули, но их взгляды сразу же ухватились за Артёма. В этих взглядах была не столько враждебность, сколько глубокая настороженность и любопытство.

– Мирослава. Кого привела? спросил один из них, исподлобья оглядывая странную одежду Артёма.

– Путника. Он сбился с дороги, ему нужна помощь и кров, голос Мирославы звучал ровно и непререкаемо.

– Одежда на нём неместная, заметил второй страж.

– Он из-за Великой Реки, от народа, что не знает наших обычаев, солгала Мирослава, но сделала это так уверенно, что стражи лишь хмыкнули и пропустили их.

Войдя внутрь, Артём окунулся в мир, который знал только по учебникам археологии. Но сейчас, вечером, жизнь в Веси была ключом. Люди не сидели по домам. Они собрались на небольшой площади в центре поселения, где стояли грубые, могучие идолы из дерева, уставленные дарами горстками зерна и краяхами хлеба. Перед ними пылал яркий костер, отбрасывая длинные, пляшущие тени на срубы и лица людей.

Девушки в расшитых цветными нитями сарафанах, с длинными, туго заплетенными косами, сидели у огня; их пальцы ловко плели из соломы кукол. Рядом мужчины, при свете пламени, ножами вырезали из дерева фигурки птиц и коней; их низкие голоса сливались в неторопливую беседу. Детей, однако, не было видно. Сумрак сгущался, и, как пояснила шёпотом Мирослава, с наступлением темноты малышей не выпускали из дому чтобы мавки из леса не утащили.

Артём чувствовал себя экспонатом в музее. Его давила эта бытовая, примитивная реальность. Нет канализации. Нет электричества. Каменный век в прямом эфире. Шепот пошел по всей Веси, как шелест листьев перед грозой, едва они показались.

Мирослава, не обращая внимания на шёпот, повела его к краю поселения, где стояла такая же полуземлянка, но чуть в стороне от других, почти у самого леса. Рядом рос могучий дуб, а на ветвях висели пучки трав и какие-то засушенные корешки. Здесь пахло не навозом, а тем же, чем и от самой Мирославы дымом и травами.

Дверь была низкой. Артёму пришлось сильно наклониться, чтобы войти.

Внутри было темно, прохладно и удивительно чисто. Горела лучина, встроенная в стену, отбрасывая трепетные тени. В углу глинобитная печь, вдоль стен нары, застеленные звериными шкурами. На полках стояли глиняные горшки, плетеные корзины, связки трав. Ничего лишнего.

– Садись, указала Мирослава на широкую колоду у стола. Покажи ногу.

Артём, покорный, сел. Он смотрел, как она растапливает в миске над лучиной какой-то жир, добавляет в него растертые в ступе травы. Движения ее были точными, выверенными, как у хирурга.

Вдруг дверь скрипнула. На пороге стоял высокий, широкоплечий мужчина лет сорока. Ратибор. Его лицо, когда-то открытое и смелое, теперь казалось вырубленным из дуба непогодой и горем. В глазах, цвета зимнего неба, стояла привычная суровость, но в их глубине таилась невысказанная тоска. Он был одет в поношенную, но добротную рубаху, подпоясанную ремнём с медной пряжкой – знаком старшего дружинника.

– Слышал, ты кого-то привела, Мирослава, его голос был густым, как лесной мёд. Взгляд, скользнув по Артему, стал острым и холодным, как лезвие топора. Потом он снова посмотрел на ведунью, и в этом взгляде Артем прочитал не только давнее знакомство, но и укор, и какую-то старую, затаенную боль.

– Весь мала, Ратибор. Новости бегут быстрее зайца, она не отрывалась от своей работы.

– Кто он? Откуда?

– Путник. Ему нужна помощь.

– Ты всем помогаешь, кто забредет в наш лес, в голосе Ратибора прозвучала знакомая, заезженная укоризна. Не каждого волка стоит нести в свой дом. Он может укубить руку, что его кормит. Мир полон зла, Мирослава. Не всякая рана лечится твоими травами.

Артем почувствовал, как напрягся. Этот человек видел в нём угрозу. И, возможно, не только для общины, а для чего-то более личного.

– Мои руки знают, кого кормить, а кого нет, парировала Мирослава, и в её тоне впервые прозвучала сталь. Спасибо за заботу, Ратибор.

Это было мягкое, но четкое указание уйти. Ратибор постоял еще мгновение его взгляд на мгновение смягчился, когда он смотрел на ее склоненную спину, но, встретив холодный прием, снова стал твердым. Он бросил последний колкий взгляд на Артёма, коротко кивнул и вышел, громко хлопнув дверью.

– Он ваш муж? неловко спросил Артём.

– Нет, ответила Мирослава коротко, подходя к нему с миской с дымящейся мазью. Его жена умерла от лихорадки много зим назад. Он с тех пор не находит себе места, ходит, как тень, ищет в каждой женщине ту, что потерял, а в каждом незнакомце виноватого в своей боли. А теперь замолчи. Будет больно.

Прежде чем он успел приготовиться, она сильными, ловкими пальцами вправила ему лодыжку. Артём скрипнул зубами, чтобы не закричать. Затем она наложила на больное место теплую пахучую мазь и туго перебинтовала полоской чистой ткани.

Боль почти сразу утихла, сменившись приятным теплом.

– Спасибо, прошептал он, искренне удивлённый. Вы, вы очень любезны.

– Скажи это завтра, когда встанешь на ногу, она улыбнулась, и это преобразило её строгое лицо, сделав его молодым и почти беззаботным. Но улыбка быстро угасла.

Она отошла к центру комнаты, к очагу. Взяла с полки маленький глиняный кубок, налила в него воды из кувшина и села на пол, скрестив ноги. Она замерла, уставившись на воду в чаше. Ее дыхание стало медленным и глубоким.

– Что вы делаете? спросил Артём.

– Молчи, её голос прозвучал отрешенно, будто издали. И не подходи ко мне.

Она начала тихо напевать тот же странный, гортанный напев, что и в лесу. Её глаза были открыты, но взгляд пустым, устремленным внутрь себя. Лучина трещала. Вода в чаше вдруг заколебалась, и её поверхность потемнела, словно в нее капнули чернил. Затем она начала кружиться в водовороте не от дрожи её руки, а сама по себе. На поверхности стали появляться странные узоры, похожие на иней.

Лицо Мирославы исказилось от напряжения, а затем от ужаса. Она резко отшатнулась от чаши, как от огня. Вода в ней забурлила и выплеснулась на землю, словно вскипев без тепла. Она дышала прерывисто, глядя на мокрое пятно широко раскрытыми глазами.

Потом её взгляд медленно поднялся на Артёма. В нём не было ни гостеприимства, ни сострадания. Теперь там был только ледящий душу страх и подозрение.

– Ты пришёл не один, прошептала она. Что-то пришло с тобой. Тёмное. Холодное. Оно смотрело на меня из воды. Оно не просто голодное. Оно ищет. Ищет дорогу.

Глава 3. Ночь. Разговор у очага

Тишина в полуземлянке повисла густая, как смоль. Слова Мирославы Ты пришёл не один висели между ними невидимой, но непреодолимой стеной.

Артём чувствовал себя виноватым, хотя не понимал, в чём именно. Он смотрел на неё на её внезапно побледневшее лицо, на руки, которые слегка дрожали, когда она подливала масло в светец.

– Что, что это было? наконец решился он спросить.

– Ведение. Знак, она не смотрела на него. Вода показывает то, что скрыто. То, что хочет быть узанным. Она показала мне Тьму на твоих пятках. Как чёрную хмару, что прилипла к тебе с того света.

Тот свет. Для неё его мир был загробным царством. Мысль была одновременно и абсурдной, и пугающе логичной.

– Я не чувствовал ничего, попытался, он возразить, но голос его дрогнул.

– Ты не мог. Ты из мира, где разучились чувствовать, она повернулась к нему, и в ее глазах теперь горел не страх, а жгучий интерес, смешанный с жалостью. Расскажи. Расскажи о своём мире. Откуда ты? Где нет духов, нет богов, где люди живут в железе и камне?

Она села напротив него, поджав ноги, и укуталась в плащ из волчьей шкуры. Она смотрела на него как на самого удивительного сказителя, готового поведать былинку о неведомых краях.

И Артем начал говорить. Сначала сбивчиво, подбирая слова, которых не существовало в её языке. Он говорил о городах, что вздымаются к небу каменными громадами, о дорогах из чёрного камня, по которым носятся железные колесницы без лошадей, о том, как ночью загорается тысяча солнц от одного прикосновения к стене.

Она слушала, не перебивая; её глаза становились всё шире.

– Люди летают? По воздуху? Как птицы? её голос был полон благоговейного ужаса.

– Да. В железных трубах. Мы называем это самолетами.

– И говорят с другого конца земли? Сквозь воздух?

– Через маленькую коробочку. Телефон. Он попытался изобразить форму смартфона.

Она покачала головой, не в силах представить такое.

– Это могучая магия, прошептала она. Сильнее, чем у Велеса медвежьего бога.

Артём горько усмехнулся.

– Это не магия, Мирослава. Это наука. Технологии. Мы изучили законы мира и подчинили их себе.

Она взглядела в него пристальнее.

– Законы? Какие законы? Законы устанавливают боги. Или, она замолчала, осененная новой мыслью. Или вы поставили себя выше богов? Стали сами своими богами?

Его слова о подчинении мира прозвучали для нее как величайшая гордыня. Он пытался объяснить про электричество, про физику, но видел, что для нее это звучало как сложное колдовское заклинание.

– А зачем? вдруг спросила она самый простой и самый сложный вопрос. – Зачем всё это? Чтобы летать? Чтобы говорить на расстоянии? Чтобы ночью стало светло? Что это дало вашим душам? Стали ли вы от этого счастливее? Любите ли сильнее?

Вопросы сыпались, как камни, и каждый бил в самую суть. Артём замылся. Он думал о своей пустой квартире, о бесконечных дедлайнах, о знакомствах в соцсетях, о том, как давно он не смотрел на настоящее звездное небо.

– Мы экономим время, неуверенно сказал он.

– Время? она удивленно покачала головой. А куда вы его торопитесь сэкономить? В могилу? Разве не в каждом моменте нужно жить? Разве не в том радость почувствовать тепло солнца на щеке, а не свет холодного камня? Услышать песню друга, а не голос из коробочки? Прижать к себе любимого человека, а не смотреть на его изображение?

Она говорила с такой искренней, неподдельной болью за него, что у Артема перехватило дыхание. Он всю жизнь гордился прогрессом, а она смотрела на него как на жалкого, заблудшего нищего, променявшего золото на блестящие стекляшки.

– У нас нет времени на это, пробормотал он, и сам услышал, как бедно это звучит.

– Нет, тихо сказала она. У вас нет не времени. У вас нет жизни. Вы от неё отгородились. Сперва стенами, потом машинами, потом этими... коробочками. Вы живете в мире, сделанном своими руками, и забыли про мир, который вас породил. Вы умерли для него, и он умер для вас.

Она замолчала. В тишине было слышно только потрескивание лучины. Её лицо озарила внезапная мысль.

– Я поняла, прошептала она, и её глаза снова наполнились страхом. Я поняла, что пришло с тобой.

Артем замер.

– Это не твоя вина. Ты просто принёс его на себе, как больной приносит хворь. Ты принёс Забвение. Ту самую силу, что вы прогнали из своего мира, вытеснили своими железными птицами и горящими камнями. Она осталась без дома, без пищи. И теперь она пришла сюда, чтобы питаться нами. Нашей верой. Нашей памятью. Нашей связью с богами и предками. Она хочет сделать наш мир таким же... мертвым, как ваш.

Она посмотрела на него, и в её взгляде была уже не вражда, а страшная жалость.

– Ты не злой. Ты вестник. Вестник конца.

За стенами завыл ветер. В его звуке Артёму впервые почудилось что-то злобное и голодное. Он смотрел на свои руки руки учёного, который хотел всё измерить и объяснить. И впервые в жизни ему захотелось не объяснять, а просто испугаться.

Потому что он понял она права.

Его мир был удобным, стерильным и бездушным. И эта бездушность была заразна.

Глава 4. Утро. Тихий ужас и тихая красота

Артём не мог спать. Слова Мирославы Вестник конца жгли его изнутри. Он смотрел на потолок из темных бревен, где в щели уже пробивался бледный свет зари, и чувствовал себя чужим в собственной коже.

Когда дыхание Мирославы (спавшей на дальних нарах) стало ровным, он осторожно поднялся. Нога, к его удивлению, почти не болела. Магия трав и её умение оказались сильнее любой современной мази. Горькая ирония не ускользнула от него.

Он вышел наружу. Воздух был холодным, чистым и пьянящим. Солнце только поднималось над лесом, заливая мир золотом и росными бриллиантами. Он сделал глубокий вдох. В его мире так пахло только после грозы – да и то недолго.

Поселение просыпалось. Первыми его заметили дети. Девочка с ведром воды замерла, уставившись на него. К ней подбежал мальчуган с деревянным мечом.

– Ты кто?

– Я Артём. Гость Мирославы.

– Откуда ты? Ты похож на торговца, но одежда смешная, – рассудительно заявил мальчик.

Дети окружили его, щебеча, как птицы. Тыкали в молнии на куртке, трогали джинсы. Их любопытство было искренним. Они видели в нём диковинку, а не угрозу.

Но взгляды взрослых были иными. Женщины у колодца замолкли. Мужики у плуга перестали стучать молотком, провожая его исподлобья. Он чувствовал их отчуждение физически как холодную стену.

Он прошёлся дальше и увидел то, от чего сжалось сердце. На краю Веси, под старым дубом, стояли идолы: мощный Перун, Велес – его идол походил скорее на медведя, чем на человека, и изящная Макошь.

У их подножий лежали подношения: горшочек с зерном, ломоть хлеба, вышитый платочек. Это не было фанатизмом. Это было просто. Искренне. Как ребёнок, дарящий матери найденный камушек. Это была благодарность. Связь.

Артём прислонился к коре дуба и закрыл глаза. Он вспомнил свой мир: серый асфальт, рекламу, людей в наушниках, не видящих друг друга; полные тележки в супермаркетах и пустые глаза. Абсолютное одиночество в толпе.

Они потеряли это. Потеряли тихую благодарность. Убили тайны, препарировали их, получив горсть пыли под названием «ответ». И теперь эта пыль Забвение пришла уничтожить последние островки жизни.

По щеке скатилась слеза. Он не заметил, как она потекла.

– Нравится? раздался тихий голос.

Он обернулся. Мирослава стояла, закутавшись в платок.

– Да, хрипло ответил он. Это прекрасно.

– Сегодня праздник. Купальская ночь. Я покажу тебе. Но тебе нельзя быть в этом, она указала на его куртку. Я принесу нашу одежду.

Он кивнул.

– И потом мы должны подумать. Что делать с тем, что пришло с тобой. Праздник это жизнь. А оно смерть.

Она повернулась уйти, но остановилась.

– Артём? Ты вчера сказал, что у вас нет времени жить. А на что вы его тратите?

Он не нашёл, что ответить.

Весь день прошел в тревожном ожидании. Артём переделся в холщовую рубаху и портки. Мирослава говорила с ним мало, но их взгляды теперь постоянно встречались. В её

глазах уже не было страха – было что-то сложное: жалость, ответственность. А может, и проблеск интереса к нему как к человеку.

Вечером они сидели на бревне у реки, слушая первые песни.

– Я всё думаю, тихо начала Мирослава, почему ваш мир стал таким? Сухим. Без души.

– Мы хотели сделать жизнь проще. Победить болезни, голод...

– И победили? спросила она.

– Нет. Мы создали другие. Тоску. Одиночество. Он помолчал. Мы убрали боль, но вместе с ней ушла и радость. Как убрать ночь, но оставить день?

Она кивнула.

– А ты? Почему ты носитель? В тебе есть свет.

– Я не знаю. Может, я был одним из самых пустых? Верил только в цифры.

Вдруг из тени ивы вышел Ратибор. Он стоял, опираясь на ствол. Его светлые волосы были растрепаны, а серые глаза, обычно полные силы, сейчас были пустыми и невероятно грустными. Он смотрел сквозь них.

– Веселитесь? – его голос прозвучал глухо, без интонаций.

– Ратибор, иди к костру. Скоро игры, осторожно сказала Мирослава.

– Игры. А потом все умрут. Забудут. Или их забудут. Какая разница?

Он провёл рукой по лицу.

– Я сегодня не мог вспомнить имя отца. Целый день пытался. А потом понял, что не помню и лицо матери. В его пустых глазах плескался ужас. – Оно уже здесь, да? Та самая хворь. Оно выедаёт меня изнутри. Как червь яблоко.

Он медленно побрел прочь, оставив их в ошеломленном молчании.

Мирослава побледнела.

– Оно действует быстрее, чем я думала. Оно питается памятью. Самым дорогим. Оно начало с него с того, кто уже был уязвим.

Она посмотрела на Артёма, и в её глазах читалась одна страшная мысль: Сколько у них осталось времени? Не дней, а часов?

А с поляны уже доносился веселый, дикий крик праздник начинался, и его радость теперь казалась хрупкой, как стекло.

Глава 5. Ночь на Ивана Купалу. Магия, которую видно

Подготовка к празднику началась засветло. Вся Весь превратилась в гигантский муравейник, кипящий радостной суетой. Девушки, собравшись у речки, мыли и расчесывали друг другу волосы распущенными гривами, заплетая в них на ночь ленты «чтобы русалки не запутались». Парни рубили дрова для главного кострища, соревнуясь, чья поленница будет выше. Воздух гудел от смеха, стука топоров и запаха свежего сена и полевых цветов, которые женщины разносили по домам, украшая двери и окна.

Артём, наблюдая за этой живой, органичной суетой, чувствовал, как его городская скорлупа понемногу трескается.

Праздник разгорался с наступлением сумерек, словно костёр, в который подбрасывают всё новую хворостину. Казалось, вся Весь от мала до велика высыпала на большую поляну у реки.

Для Артёма это было зрелище, переворачивающее всё с ног на голову. Это не было ряженым представлением. Это была сама жизнь.

У самой воды, на специально сколоченных мостках, девушки в белых, расшитых красным сарафанах, с венками из иван-да-марьи и папоротника на распущенных волосах, с затаенным дыханием и шепотом заветных слов спускали на воду венки с зажженными лучинками. Те плыли по темной воде, словно россыпь звёзд, унося с собой надежды на суженого. Артем видел, как одна из девушек, поймав взгляд парня, застенчиво улыбнулась и отвернулась. Это было проще и честнее любого знакомства в приложении.

С другого берега доносились взрывы хохота и плеск: парни и девушки, сбросив одежду, купались в ночной реке, смывая с себя всё дурное и накопленное за год. Их тела, освещённые луной и отблесками костров, казались частью этой дикой, прекрасной природы. Парни показывали удаль, пытаясь достать со дна реки белый камень. Они ныряли с шумом и смехом, и вода брызгала алмазами в отблесках пламени.

Кто-то ударил в бубен. Кому-то в руки дали дудку-жалейку, и её пронзительный, тоскливый голос вплелся в общий шум. Запели. Сперва нескладно, с разных концов, а потом единым мощным хором старинной песней, в которой слышался и шелест трав, и рев медведя, и плач ребёнка.

А потом начались хороводы. Не вялые круги, а дикий, неистовый танец. Люди, взявшись за руки, двигались в такт, что был не просто мелодией, а ритмом самой земли, биением сердца. Артёма втянули в круг. Его неуклюжие движения сперва вызывали смех, но вскоре он почувствовал ритм. Он перестал думать и начал чувствовать. Рука в его руке была тёплой и живой.

А в центре всего пылал Костёр. Высокий, до самого неба. Пары, взявшись за руки, с хохотом и визгом разбегались и прыгали через огненную стену. Кто-то перелетал легко, как птица, кто-то задевал ногами поленья, рассыпая снопы искр, и падал на мягкую траву и это тоже было частью обряда: падение и подъём, очищение через преодоление.

«Чтобы очиститься от всего дурного и чтобы рука об руку идти по жизни», – сказала Мирослава, стоя рядом.

– Пойдём? неожиданно для себя предложил Артём.

Она посмотрела на него, и в её глазах отразилось пламя. Кивнула.

Их прыжок вышел неловким они чуть не зацепили ногами поленья, но приземлились вместе, и он, чтобы удержать равновесие, обнял её за талию. Они замерли на мгновение. Он чувствовал тепло её тела, запах дыма и полыни в её волосах. В его мире этот момент потребовал бы шутки или неловкого отстранения. Здесь же всё было просто. И искренне.

Артем увидел, как небольшая горстка парней отправилась в лес. Он спросил у Мирославы, куда они пошли.

– Обрести удачу и силу, ответила она. Найти настоящий Цветок Папоротника.

И об этом не говорили громко. Шёпотом, с суеверным страхом, Мирослава объяснила Артёму, что это за цветок.

– Он распускается лишь на миг, в самую полночь, в самой глубине леса, где не ступала нога человека. Говорят, он горит алым огнём, что слепит глаза, и тому, кто его сорвет, открываются все клады и тайны мира. Но путь к нему охраняют. Леший водит кругами, заставляя плутать до самого утра. Русалки щекочут до смерти. А сама тень цветка может свести с ума. Немногие решались на такие поиски. Лишь самые отчаянные, кому терять уже было нечего.

И Артем увидел их. Трое парней самых крепких и удалых, с серьезными, окаменевшими лицами отделились от веселящейся толпы. Они перекрестились, но не по-христиански, а по-старому солнцем, и скрылись в черной пасти лесной тропы. На их уход смотрели с затаенным дыханием и жалостью, словно на обречённых.

А потом настала полночь. И мир переменялся.

Воздух задрожал, словно натянутая струна. Звуки жалейки и бубна стали призрачными, отдаленными. Тени от костров ожили, потянулись, отделились от земли. Из-за стволов старых дубов вышли лешие не люди в костюмах, а настоящие, мохнатые, с ветками вместо рогов, и их хриплый смех разносился по лесу, заставляя девушек вскрикивать и теснее прижиматься к парням. В ветвях плакучей ивы у реки мелькнуло бледное, до боли прекрасное лицо русалки, и её влажные, печальные глаза на мгновение встретились с взглядом Артема. А где-то в самой гуще темноты, между вековых сосен, прошёл огромный, покрытый бурой шерстью медведь. Он шел на двух лапах, как человек, и в его мудрых, древних глазах светилась вся память мира. Сам Велес.

Это не были галлюцинации. Это был мир, где грань между реальным и потусторонним в эту ночь истончалась до прозрачности. И люди не боялись этого – они жили этим. Они жили внутри мифа.

И в эту самую минуту из леса, спотыкаясь, с разорванной в клочья рубахой и безумным ужасом в глазах, выбежал один из тех троих парней. Он был один.

– Видел! хрипел он, падая на колени перед старейшинами. Видел! Горел, как уголь в печи! Но тварь мохнатая за спиной дышала... а голос в голове Он затряс головой, сжимая виски, не в силах вымолвить больше.

Его подхватили под руки и увели, а по всей веси пронесся вздох облегчения и разочарования. Цветок был рядом. Его почти добыли. Но цена оказалась слишком высока.

Артём смотрел на всё это, и сердце его разрывалось от восторга и боли. Он понимал: его цивилизация не просто что-то улучшила. Она оскопила мир. Вымарала все краски, кроме серой, заглушила все звуки, кроме гудков машин, и назвала это «прогрессом». Они добровольно отказались от чуда.

Он посмотрел на Мирославу. Та смотрела на праздник, и на ее лице читались гордость, грусть и решимость. Она сражалась за это. И теперь он должен был сражаться рядом с ней.

Утро было тихим и томным, пахло пеплом и мокрой травой. Весь спала, устав от ликования.

Мирослава разбудила Артёма. Лицо ее было серьезным.

– Я знаю, куда идти. Моя бабушка рассказывала о женщине. Она живёт далеко, на краю света, у Теплых Вод. Говорят, она стара, как мир. Одни зовут её Ведуньей, другие Дочерью Макоши, а некоторые шепчут, что она и есть сама Богиня Судьбы. Она прядёт нити жизни и знает ответы на все вопросы. Если кто и знает, как победить Забвение, так это она.

– Мы пойдём к ней? спросил Артём.

– Мы. И не одни. Она кивнула на дверь.

На пороге стоял Ратибор. Он был собран, за поясом заткнут топор, за спиной дорожный мешок. Глаза его всё так же были пусты, но в них теплилась искра не надежды, а отчаянной решимости.

– Я иду с вами, голос его был хриплым. Оно съедает мои воспоминания. Забрало отца и мать. Но меня самого не заберёт. Я буду бороться. Или умру.

Мирослава молча кивнула. Она понимала. Его боль и ярость могли стать их оружием.

Глава 6. Москва. Тайна, проступающая сквозь страницы

Молодая женщина стояла посреди своей уютной московской квартиры, вцепившись в деревянного идола так, что костяшки пальцев побелели. Ее светлые, почти льняные волосы были растрепаны, а на переносице, усыпанной веснушками, залегла тревожная складка. Она машинально провела пальцем по одной из рыжих точек на своём лице – старой привычке, когда нервничала. Ее карие глаза, обычно живые и любопытные, сейчас с недоумением вглядывались в загадочную фигурку, найденную накануне в парке.

На том самом месте, где трое суток назад пропал ее брат.

Палец пульсировал от боли та самая заноза, полученная при падении под старым дубом, напоминала о себе. Но куда тревожнее было странное, живое тепло, исходившее от дерева. Она не исчезла тогда, в Кузьминках. Оглушительный гул, поднявшийся из-под земли в той самой старой роще, стих, оставив после себя лишь оглушенную тишину, а потом привычный грохот города. Но теперь этот гул отдавался эхом в её собственном сердце.

Показалось? От напряжения и горя? тщетно пыталась она убедить себя, глядя на знакомые стены. Но заноза была реальной. И фигурка в её руке тоже. Та самая, что она подобрала под корнями, на том самом месте, где земля ушла из-под ног и где её брат, Артём, буквально растворился в воздухе.

Она включила компьютер. На экране загорелся привычный поисковик. «Славянский идол медведь», деревянная фигурка Велеса, «языческие артефакты» пальцы сами выстукивали запросы. Артём изучал аномалии, а она, его сестра, учительница истории, могла помочь ему единственным доступным ей способом копаться в прошлом.

Появились тысячи картинок: яркие сувениры из Китая, стилизованные обереги для туристов, аккуратные реконструкции. Но ничего похожего на это. Резьба на её находке была слишком грубой, слишком архаичной и живой. Она не копировала старину она ею и была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.